

Максимилиан Александрович Волошин

**Первая выставка в
редакции «Аполлона»**

Максимилиан Александрович Волошин
Первая выставка в
редакции «Аполлона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22832467

Аннотация

«„Аполлон“ предполагает устраивать в помещении своей редакции небольшие выставки отдельных художников, русских и иностранных...»

Максимилиан Волошин

Первая выставка в редакции «Аполлона»

«Аполлон» предполагает устраивать в помещении своей редакции небольшие выставки отдельных художников, русских и иностранных.

Приступая к выполнению намеченной программы, «Аполлон» имеет в виду осуществление того типа интимных выставок, который уже давно утвердился в Париже, Вене, Мюнхене и т. д. и стал насущной потребностью западноевропейской художественной жизни. Такие маленькие выставки, дающие четкий рисунок лица одного художника или одной струи в большом течении искусства, или одной ноты в большом «Oeuvre» мастера, представляют необходимую поправку к тем органическим свойствам, отчасти обесценивающим большие и торжественные парады искусства, на которых тонет все интимное, тонкое, еще не возвысившее голос над толпой и потому особенно ценное.

Первая выставка (от 25 октября – 2 ноября) была посвящена работам Георгия Лукомского – акварели, рисунки, гваши: «Древлянские навевы», «Из средневековья», «Старый Париж», «По Италии», «Дворцы, виллы, сады», «Жилища и храмы». Выставку посетило около 600 человек.

Г. К. Лукомский видит пейзаж в потухших, немного пыльных, но глубоких тонах. Точно сквозь дым.

Виды Волыни и Фойтенеблосский замок, Вилла д'Эсте и отели Парижа подернуты для его глаза легким траурным флером.

Северные древляньские пейзажи приобретают под сто рукой грустную элегантность, а сладчайшие линии итальянских вилл – сумеречную строгость.

Он обладает ценным для акварелиста искусством: скромно отступать на задний план со своими красками и предоставлять тону бумаги говорить за себя. Голос материала внушительнее голоса человека. Лукомскому часто удается создать ту тишину, в которой этот голос может быть слышен. Серая бумага, на которой написаны его пейзажи, «звучит» из-под каждого пятна. Когда же он рисует на белой бумаге очерки итальянских церквей, то кладет лишь столько красочных теней, сколько нужно для того, чтобы создать белый тон стен. Эта сдержанность дает чувство достоинства его акварелям. Ему даны от природы талантливость и легкость. Но талантливость и легкость – опасные свойства для художника. Делакруа утверждал, что самый критический в жизни живописца момент тот, когда он почувствует кисть совершенно легко в своей руке. Мастер хотел сказать, что ценность искусству дает преодоление. Чем значительнее талант, тем труднее должно быть преодоление. Гения же без всяких раз-

говоров следует сковывать по рукам и по ногам железными цепями – пусть вывертывается. Гейне недаром ценил в Рубенсе то, что тот сумел взлететь к небу на лебединых крыльях, несмотря на то, что к его ногам были привязаны тысячи пудов голландского сыра. Г. К. Лукомский не ищет тяжести преодолений, но его спасает то, что он архитектор. Живописная легкость могла бы совершенно погубить его, если бы ее не умеряли свойственная архитекторам сухость и та линейная строгость, которая таится в этой сухости. Когда же он дает чистоархитектурные рисунки зданий, то непреклонную точность их линий он смягчает иллюстрионистической виртуозностью.

Серия «Храмы и Жилища» служит образцом того, как он умеет передавать архитектурное лицо здания, совершенно опуская все детальные подробности. Эти рисунки, исполненные с такой красивой экономией линий и красок, так удачно срезанные в своих тесных рамках, хотелось бы видеть украшением книги. Быть может, в этом и есть истинное призвание Г. К. Лукомского.